

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АВДЕЕВА

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Академии гуманитарного и социального образования, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
avdeeva@rambler.ru

СПЕЦИФИКА НОРМ МОРАЛИ И ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

В статье рассматривается специфика моральных норм, и в этой связи затрагиваются проблемы осмысления морали как типа нормативной регуляции. Ставится проблема актуальности и применимости нормативного подхода в морали и необходимости такого подхода с точки зрения потребности в нормативной регуляции моральной сферы.

Ключевые слова: нормативная мораль, моральная регуляция, моральные нормы, специфика моральной нормы, нормативный подход в этике

Проблема нормативности морали возникла достаточно давно, и философская этика XX века занималась скорее критикой нормативного подхода к пониманию морали. Как результат, в современной философской этике нормативный подход, безусловно, утратил свои когда-то сильные позиции. Целью данной статьи является рассмотрение смыслового наполнения понятия норм морали в соотнесенности с нормативно-функциональной направленностью морали, а также обоснование необходимости реабилитации нормативного подхода в этике в общем контексте подхода к морали как типу нормативной регуляции.

Категория нормативности подвергалась серьезному пересмотру на протяжении всего философского дискурса XX века. В философской этике это было связано в первую очередь с иной философской парадигмой в осмыслении морали и моральных феноменов. Понимание морали как типа нормативной регуляции было признано слишком узким, отражающим лишь определенные черты морального сознания, хотя нормативная функция морали, безусловно, оставалась одним из главных моментов в понимании ее специфики.

По своей сути нормативная этика – это попытка подойти к изучению проблемы форм существования морали с точки зрения средних величин, что предполагает оценку объекта с позиций некоего шаблона, предзаданного основания, оценки и рассуждения. Такое понимание было характерно именно для классической философии (вплоть до немецкой). Это означает сужение предмета исследования. В философии XX века (неклассической и постклассической) это понятие подвергается критике, например в экзистенциализме, феноменологии, философии жизни, постмодернизме и др. Несмотря на то что стремление выйти за общепринятые устои и обосновать этот выход в философии имело место начиная с античности (вспомним, к примеру, киников), масштабный характер эта тенденция во всевозможных вариациях получила именно в Новейшее время. Следует отметить, что движение к этому началось еще в Новое время (например, в филосо-

фии представителя французского Просвещения Ж. О. Ламетри, считавшего, что «человек-машина» не нуждается в морали). Позднее в философии немецких романтиков явно присутствовала идея о том, что природа, в том числе человеческая, стоит вне морального измерения. Эта мысль была продолжена в философии жизни (Ф. Ницше, А. Бергсон и др.), заявившей, что жизнь представляет собой некий единый процесс, не поддающийся понятийной конкретизации и «усреднению» с помощью неких весьма условных категорий. Имморалистский вариант критики норм морали имеет место у Ф. Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» (1886), в которой подвергается критике не мораль как таковая, а прежде всего общепринятые нормы поведения. А. Бергсон в работе «Два источника морали и религии» (1932) рассматривает социальную мораль «закрытого» общества как способ подчинения индивида власти целого. Феноменологический вариант предлагает по-новому взглянуть на мораль вообще и на нормы морали в частности. Аксиологический подход М. Шелера («Формализм в этике и материальная этика ценностей») позволяет предположить, что нормы морали не есть выражение представлений человеческого общества о должном поведении, но прежде всего проекция или отражение вечно значимых и априорно существующих ценностей, поэтому они не имеют чем-то еще обусловленной значимости. По сути это не есть нормы в традиционном смысле этого слова, поскольку они вырабатываются не сообществом людей, а зависят от иерархии ценностей. Экзистенциализм в его «светском» варианте (А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.) указывает на абсолютную свободу человека от каких бы то ни было предписаний. Представители постмодернизма (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) размышляли о том, как выйти из-под власти авторитетов, поэтому норма для них – это лишь способ подчинения себя, следовательно, она должна быть отвергнута в том виде, в каком она существует... В противовес преобладающему антинормативизму предпринимались неко-

торые попытки реабилитации нормативности, как, например, в неотомизме (Ж. Маритен), но в целом неклассической и постклассической философии (вторая половина XIX – XX век) подход к изучению явлений с позиций нормативизма и тем более нормоцентризма не свойственен, несмотря на то, что термин «норма» рассматривается как философское понятие издавна.

ПОНЯТИЕ НОРМЫ В МОРАЛИ

Нормативный подход в морали отталкивается, в первую очередь, от понятия нормы, делая его исходной позицией любого последующего рассуждения и анализа. Понятие нормы в практической жизни людей складывалось как обобщение и результат жизненного опыта с тех пор, как появилась человеческая культура. В целом под нормой принято понимать нечто среднее, устоявшееся. Норма (от лат. «руководящее начало, правило, образец») это: 1) средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений; 2) понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение сохраняют свои качества и функции; задающее их внутреннюю соразмерность (упорядоченность) [1]. Очень часто в современной специальной научной литературе подчеркивается, что понятие «норма» является проблемой, крайне трудной для определения [7]. Тем не менее норма – это обязательное требование к совершению какой-либо деятельности, необходимое для достижения ее целей и распространяемое на определенное множество однотипных действий. Понятие нормы близко к понятию правила (сознательно установленные требования к порядку исполнения какой-либо деятельности). В классической традиции между нормой и правилом наблюдаются существенные различия. Объективное существование нормы и ее обязательный характер отличают норму от правила, которое может меняться по соглашению в зависимости от ситуации и имеет более краткосрочный характер своего существования, соответственно, менее стабильно и более ситуативно. Однако в неклассической традиции, особенно в рамках дискурсивного подхода, понятие нормы оказывается, наоборот, менее устойчиво и непрочны, нежели правила того же дискурса.

Понятие нормы (нормативности) появляется в философской рефлексии еще в античной философии. В «Никомаховой этике» Аристотель определяет норму как среднюю величину между избытком и недостатком: «Ясно, по крайней мере, то, что похвалы заслуживает средний душевный склад, при котором мы испытываем гнев против того, против кого следует, по должному поводу, должным образом и так далее, а избыток и недостаток заслуживают осуждения, причем если

отклонения незначительны – мягкого и если они достаточно велики – сурового. Ясно, разумеется, что следует держаться срединного душевного склада» [4]. При этом Аристотель приравнивает к понятию нормы знаменитый принцип «золотой середины», означающий не только количественную, но прежде всего качественную характеристику [9]. Подобное понимание сохраняется до Нового времени.

Говоря о законах как о всяких формулах, выражающих необходимость действия, И. Кант выделял законы естественные (где действия подчиняются всеобщему правилу), или практические. Практические выражают необходимость свободных действий, и они суть либо субъективные, поскольку они в действительности совершаются людьми, либо же объективные, поскольку они должны совершаться. Моральные законы, наряду с прагматическими, относятся к объективным [6].

Со времени И. Канта в этике традиционно различают категорические и гипотетические моральные предписания: категорические обязывают, разрешают, запрещают абсолютно, независимо от каких бы то ни было условий. Такой характер имеют, к примеру, максимы категорического императива И. Канта: это формулы абсолютного и притом априорного долженствования. Категорическими нормами являются и нормы христианской морали (как и другой религиозной морали вообще). Этот особый содержательный характер требования закрепляется в понимании их как заповедей, исходящих от какого-либо авторитетного лица. Подобные универсальные моральные нормы называют иногда моральными принципами, сводимыми в определенные моральные кодексы, как, например, «Моральный кодекс строителя коммунизма» 1961 года. Гипотетические моральные требования, напротив, обязывают, разрешают, запрещают в зависимости от каких-либо условий, что делает их релятивными и ограниченными ситуацией. Фактически все моральные нормы гипотетические, так как в реальной жизни все требования всегда связаны с какими-либо условиями своей реализации. Несмотря на то что многие философы высказывали максимы должного или благого, люди в своем реальном существовании упорно руководствуются нормами гипотетическими, хотя последние всегда реализуются относительно норм категорических. Так происходит не только в сфере личного поведения, но и в социальной сфере. Например, обилие профессиональных кодексов в различных профессиональных этиках (этика рекламы, этика PR, этика журналиста и т. д.), предписывающих определенный тип морального поведения в профессиональной сфере, тем не менее не обеспечивает абсолютного выполнения этих предписаний во всех ситуациях одинаково. Даже так называемые общечеловеческие нормы изначально регулировали поведение людей лишь в гра-

ницах той или иной, большой или малой, социальной общности. Нынешние моральные принципы, претендующие на некую универсальность, имеют культурные и смысловые оттенки в различных обществах. Например, принцип гуманизма в европейской культуре понимается как придание человеку статуса высшей ценности, наполняя этот статус личностным содержанием. На Востоке, в традиционных обществах, тот же гуманизм понимается несколько иначе. Лишь недавно в европейском философском дискурсе появилось понятие трансгуманизма как гуманного отношения ко всему живому. Парадокс моральной нормативности состоит в том, что в сфере нормативного мышления имеют место ситуации, противоречащие друг другу, нормативные суждения оказываются правомерными в одинаковой степени. С одной стороны, «не убий», а с другой – «человек вправе защищать свою жизнь и жизнь своих близких».

Существование нормы и ее формирование – показатель стремления системы к некоему стабильному состоянию. Регулятивное назначение нормы неоспоримо. Социальная система – сложная структура, а, как известно, чем сложнее система, тем менее она устойчива. В системе социальной жизни, неотъемлемой частью которой выступает мораль, структурная стабильность обеспечивается комплексом общих и частных социальных установлений (как объективных установлений, так и сознательно устанавливаемых правил и норм). Отрицание нормативной компоненты, как показывает опыт прошлого, моральный нигилизм и релятивизм, может привести к краху исторических и социальных практик. В качестве сложной системы следует рассматривать и самого человека. В этом аспекте моральные нормы призваны регулировать отношения человека с самим собой. Таким образом, по данному основанию нормы морали принято делить на гетерономные (внешние обязанности, предписания извне) и автономные (самопредписания личности). Зачастую нормы морали относят именно к последним, однако граница между гетерономными и автономными достаточно условна: для того, чтобы предписания обрели автономию, должны сложиться представления о каких-либо предписаниях вообще. Такие представления приходят именно извне, а затем на уровне субъекта происходит их отбор, определение и возможная эволюция. Речь идет, прежде всего, о характере и специфике формирования и действия моральных норм.

СПЕЦИФИКА МОРАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

Нормы морали по сравнению с другими регуляторами социальной жизни общества, такими как право и обычай, имеют свою специфику как в формальном, так и в содержательном плане.

В норме выделяют три основных структурных компонента: диспозицию, гипотезу и санк-

цию [3]. Диспозиция – главный элемент нормы, заключающий в себе содержание и характер предъявляемого требования. В языке она может выражаться через обязывание, разрешение-рекомендацию, запрет. Нетрудно понять, что легче всего выполнить норму-запрещение: воздержание, уклонение от поступка большей частью требуют меньше усилий, чем совершение поступка. Диспозиция обязывания, тем более поощрения или рекомендации к свершению должного, самоочевидно, требует от человека большего напряжения сил, воли, решимости. Тем самым требование сверхдолжного ограничивает список его адресатов: нельзя требовать от каждого героических поступков. С одной стороны, это несколько ограничивает поле морального, но, с другой, диспозиция моральной нормы значительно шире, чем диспозиция норм других типов нормативной регуляции.

Гипотеза – структурный элемент нормы, указывающий на условия ее исполнения. В качестве гипотезы может выступать адресация требования (указание на определенный круг исполнителей). Единообразно повторяющейся гипотезой всех норм профессиональной этики выступает обязательное указание на адресата – представителя той или иной профессии. «Не навреди» – профессиональная заповедь врача, «соблюдай честность мысли, служи только истине» – ученого и т. п. Также гипотеза может указывать на внешние обстоятельства свершения действия, ограничивающие ситуации, в которых может быть предъявлено требование, тем самым лишаящее последнее универсального характера. К примеру, разрешается убить на войне, скрыть правду, когда она может вызвать тяжелые и необратимые последствия... Гипотеза не всегда бывает представлена в словесной формулировке нормы, но она всегда подразумевается. Поэтому не существует реально, фактически абсолютных норм, с бесконечно универсальной, ничем не ограниченной адресацией. Всякая норма морали, таким образом, в той или иной степени гипотетична.

Наконец, норма всегда подразумевает санкцию, выражающую способ или средства обеспечения ее реальной действенности. Чаще всего санкцией в морали выступает одобрение или осуждение в разных формах: в форме общественного мнения, славы или бесславия, бойкота, «товарищеского суда» или, на индивидуальном уровне, суда собственной совести. В нормах морали санкция всегда переменна, зависит от уровня развития морального сознания индивида, от социального статуса и прочих подобных условий. Вследствие этого в морали возможны подчас противоположные санкции-оценки одного и того же поступка разными людьми. Один из парадоксов морали заключается в проблеме «а судьи кто?»: тот, кто мог бы вынести моральную оценку поступка, не станет этого делать,

а кто хотел бы это сделать, тому нельзя этого доверять...

Содержательная и функциональная специфика моральной нормы в первую очередь связана с проблемой природы самой морали. Натуралистические теории будут исходить из единого предназначения нормы: поддержания стабильности природного сообщества, инстинкта самосохранения. Супранатуралистические стремятся обосновать происхождение норм наличием некоего абсолютного и трансцендентного источника, а потому норма в этом контексте будет пониматься как абсолютное требование должного, обусловленное внешними причинами. Антропологические теории объясняют стремление к упорядочению человеческой жизни посредством нормативности особыми человеческими свойствами и качествами, которых нет ни у одного другого биологического вида. Социологизаторские теории видят в нормах степень упорядочения социальности, обусловленную потребностями общества. По источнику нормативности (в совокупности с другими специфическими чертами) выделяются религиозная мораль и светская мораль, а по степени воздействия на личное и массовое сознание налицо отличие между моральными ориентирами восточного и западноевропейского сознания.

Безусловно, содержательная специфика нормы всегда зависит от социокультурных условий ее формирования. Ни одна моральная норма не имеет всеисторической значимости, так как характер развития моральных представлений и морального сознания зависит не от количественного приращения норм, оценок, представлений о добре и благе, а связан со сменой качественных состояний. Следует отметить, что есть некие нравственные установки и константы морального сознания, которые успешно проходят отбор и сохраняются на протяжении многих культурно-исторических эпох. К примеру, норма «не убий» пусть и не абсолютна, а в философском дискурсе создала весьма широкое проблемное поле, однако является константой морального сознания вот уже несколько тысячелетий. Таких норм в истории нравственности, имеющих параллели в различных культурах, наблюдается несколько: не убий, не укради, не прелюбодействуй, соблюдай меру, не лжесвидетельствуй. Сложились они, по мнению большинства исследователей, уже в I тысячелетии до н. э. в Индии, Китае, Европе, на Ближнем Востоке и к началу нашей эры получили формальное выражение в ряде источников. Безусловно, есть исторические типы морали, мораль классов (при формационном подходе), мораль сословий в различных культурах, культурная специфика представлений о нравственности (при цивилизационном подходе), однако, думается, есть некое ядро, которое составляет основу морального сознания и в сути своей не меняется,

когда стремительно меняются социальные установки и ориентации. Эта общая основа имеет общечеловеческое измерение. Рассматривая ту или иную систему морали с точки зрения ее места и роли в общей линии исторического развития морали, с точки зрения ее вклада в сокровищницу морального опыта человечества, мы определяем меру ее общечеловечности, отмечает А. А. Гусейнов [5].

Другой особенностью моральной нормы, не менее интересной в плане философского анализа, является вопрос об объекте и субъекте нормативной регуляции. В различных видах нормативной регуляции, будь то право, обычай или мораль, объектом, на который направлено действие нормы, является социум в целом, а точнее, общественные отношения. Однако сфера применения норм морали и права, к примеру, разная по своему масштабу: нормы морали более всеохватывающи, касаются большего числа сторон человеческой жизни, а характер их не только запретительный или ограничительный с четко определенной санкцией, а очень часто рекомендательный. В результате этого степень воздействия на объект у норм права и норм морали разная. Более того, вследствие ее большей степени воздействия на различные сферы жизни каждого человека моральная норма всегда более переживается лично, нежели норма права, то есть более действенна субъективно. К тому же нормы права и обычая часто действуют на объект через систему посредников, будь то искусственно или естественно созданные общественные институты и общественные организации, государственные учреждения, должностные и авторитетные лица, наделенные властью. Моральные нормы более обращены непосредственно к человеку.

Субъектом регуляции в правовой норме выступает некая социальная общность, включенная в понятие государства, где это государство выступает как некий обязующий авторитет, обладающий формальной властью и нормативно организующий как нормотворчество, так и массовое поведение. Субъектом норм морали, как и обычая, выступает массовое коллективное сознание, которое в процессе исторического развития занимается нормотворчеством. При этом рассчитаны эти нормы на то, чтобы стать личностными ориентирами каждого носителя коллективного сознания, выражаясь именно через сознание индивидуальное. Человек либо принимает их как личные установки в процессе социализации и интериоризации, либо отвергает. Таким образом, и в этике это не раз подчеркивалось, нормы морали, с одной стороны, имеют объективное значение и по своему содержанию не зависят от склонностей и предпочтений человека, его произвола, а с другой стороны, требования и предписания, выраженные в моральных нормах, не могут быть сугубо объективными по

своей природе. В определенные эпохи источником нормы (новой или переосмысленной старой) мог выступить сам человек, на основании чего можно говорить о феноменах моральной гениальности, как, например, Христос, Мухаммед, Будда, Джина Махавира, а в наше время – А. Швейцер, М. Ганди и др.

При создании тех или иных норм подчас многое зависело от социального статуса субъектов нормотворчества, вследствие чего в этике фигурировали такие понятия, как «мораль рабов и господ», «классовая мораль», «рыцарский этос», «мещанский этос» и другие, отражающие интересы той или иной группы людей. В силу особенностей нормативной регуляции нормы морали всегда считались выражением чьего-то веления: воли коллектива, как считали, например, Т. Гоббс, а затем в XX веке представители психоанализа; воли определенной социальной группы, как считали представители эпохи Просвещения, а затем марксисты; Бога или Абсолюта, как считали представители религиозной этики и объективные идеалисты. Тем не менее норма только тогда осознавалась нормой морали, когда содержащееся в ней требование принималось самим человеком как внутреннее веление самому себе, как субъективная необходимость. Причем неинституциональность моральной нормы усиливала эту тенденцию. Безусловно, такой подход сразу ставит под сомнение общепризнанное рассмотрение моральной нормы как нормы объективно-закономерной и имеющей опытное происхождение. В данном случае противоречия нет, поскольку феномены моральной гениальности возникали также не на пустом месте, а отчасти были культурно и исторически обусловлены. Известный философ начала XX века А. Бергсон в книге «Два источника морали и религии» выделил два типа морали: мораль большинства и мораль личностную. Однако первая только на первый взгляд противостоит второй, поскольку указанная бинарность является сама по себе одним из движущих факторов возможного нормотворчества.

МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Недостаток нормативного подхода к объяснению морали в целом состоит в том, что норма имеет смысл и значение только тогда, когда исследователь рассматривает вопрос именно в социальной парадигме, с социологизаторских позиций. Вследствие этого нормативный подход подвергается критике, когда речь идет о некоторых личностных феноменах, не укладывающихся в рамки диспозиции «норма – аномалия». Не каждую аномалию можно считать патологией, и к тому же многими философами (А. Бергсон, Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр и др.) было отмечено, что часто именно отклонение от нормы является толчком для последующего развития. Современ-

ная эпоха, характеризующаяся как эпоха постиндустриальная, постмодернистская, информационная, отличается релятивизацией общепринятых ценностей, их индивидуализацией и, соответственно, размыванием всякого рода нормативности. Однако то же самое социальное основание происхождения нормы заставляет посмотреть на проблему с другой стороны. Как правило, норма – это требование, предъявляемое обществом (коллективом) к индивиду, общезначимое по характеру и обязательное по выполнению. Эта общезначимость означает, что за каждой нормой стоит та или иная ценность, признаваемая большинством членов данного общества. Таким образом, нормативность всегда неразрывно связана с системой общественных ценностей. Отсюда вытекает ряд неоднозначных моментов в оценке нормативного подхода:

1. Индивидуальные ценности в общем контексте нормативного подхода могут, напротив, ослабить (усилить) эту нормативность, которая в определенной мере уже может быть оценена как отклонение.
2. Другая проблема: ценности, стоящие за нормой, носят исторический, а следовательно, изменчивый характер. Поэтому изменчива и сама норма, которая на определенном историческом этапе может превратиться в догмат или, наоборот, потерять универсализм [8].

Норма тесно связана с понятием ценностей и, соответственно, коррелирует с потребностями. Однако, как показывала не один раз практика, ценности не всегда могут выступать как позитивные ориентации (антиценности). В этом случае роль регулятора ценностной сферы может выполнить моральная норма, проверяя ценности на пригодность к нормальной жизнедеятельности личности и общества. В этой связи среди объектов, находящихся в границах нормы, выделяют оптимальный, или идеальный. Затем различают объекты, все более отступающие от идеала, но остающиеся в границах нормы. Наконец, дифференцируют и объекты, находящиеся за ее границами. Норма служит здесь контрольно-предвосхищающей схемой, предопределяющей шаги, ведущие к достижению некой благой цели, отождествляемой с ценностью.

Вопрос о соотношении моральной нормы и ценности, конечно же, не так однолинеен и прост. Соотнося поступок с критерием нормы, мы оцениваем его как хороший или плохой. Осуществляется оценка, которая путем сопоставления данного явления с неким обобщенным, абстрактным эталоном, в конечном счете, формирует представление о ценности. Норма зачастую и выполняет в этом случае роль такого эталона. Безусловно, процессы формирования ценностей не столько прямолинейны и однозначны, поскольку некоторые варианты аксиологической онтологии и трансцендентализм отстаивают первичность

именно ценностей. Разводить каким-то принципиальным образом эти понятия и тем более противопоставлять их друг другу не является принципиальным моментом данной статьи. Важнее оказывается вопрос значения существования нормы для существования ценности. Принципиальный вывод из всего вышесказанного следует только один: для существования общества и культуры необходимы ценности особого рода (нематериальные, духовные и т. п.), а для поддержания и создания таких ценностей необходимы нормы, главным образом нормы морали. Современный синергетический подход решительно определил открытые системы стремиться к достижению стабильного состояния тем сильнее, чем выше мера хаоса в данной системе. Норма – показатель стабильности. В какой-то степени даже современная этика дискурса (в особенности этические взгляды Ю. Хабермаса) может быть интерпретирована как новый подход к исследованию путей достижения стабильности моральной сферы общественной жизни посредством выработки норм [10]. Безусловно, нормативный подход утратил свою универсальность в сферах, где формализация невозможна. Однако в сочетании с другими подходами он позволяет подойти к комплексно-

му изучению вопроса существования моральных феноменов. Тем более что нельзя обоснованно судить о процессах и явлениях, не имея представления о том, что такое нормальное состояние, особенно когда дело касается прикладных проблем этики и проблемы этической кодификации профессиональных сфер деятельности, стремящихся к саморегуляции (набирающая обороты современная этическая тенденция). Поэтому в современной этике, на наш взгляд, возрастает интерес к исследованию именно нормальных состояний, естественных и гармоничных в противовес негативной проблематике аномалий и прочих отклонений от нормы [2]. Современный кризис нравственной сферы и утрата незыблемых ценностных ориентиров – черта эпохи. Имморализм, аморализм, нигилизм, релятивизм – симптомы морального сознания европейской культуры XX века. Философия как выражение содержания нематериальной культуры чутко их уловила. Она же способна предложить и новые ориентиры. Возможно, в поиске моральной философией путей выхода из этого кризиса нормативный подход внесет свой вклад в переосмысление статуса и содержания моральных норм, бывших и будущих, а потому (по факту своего существования) вечных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абушенко В. Л. Норма // Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. М.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.
2. Авдеева И. А. Идеал в системе нравственного воспитания // Электронное научное издание «Актуальные инновационные исследования: наука и практика». 2010. № 3.
3. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001. 169 с.
4. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
5. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М.: Молодая гвардия, 1988. 208 с.
6. Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000. 431 с.
7. Неплох Я. М. Человек, познай себя. Записки психиатра. СПб.: Наука, 1991. 208 с.
8. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 250 с.
9. Спиркин А. Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. 726 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с.